

Александр Яшин. Босиком по земле.
Стихи. «Советский писатель». 1965

Наш век поневоле приучил людей ценить вещи вроде бы элементарные: свежий воздух, тишину, лес, землю, не устланную асфальтом. Расширилось и даже сместилось понятие о чуде:

...сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных
домах,

дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья!

Лес — чудо? Земля — чудо? Тишина — чудо? Право, в мире многое меняется...

Александр Яшин в новой книге много и обеспокоенно пишет о том, как обесцвечивается человеческая жизнь, если она лишена связи с природой. Исследователям этой проблемы несть числа: писатели, ученые, общественные деятели... Каждый век, каждое десятилетие вновь выдвигают ее, но уже в иной связи и по-иному. Очевидно, есть свои веские причины для вечной злободневности вопроса: цивилизация и природа. Научные открытия подчас отторгают человека от привычных связей с миром — растут скорости, ломается ритм жизни, меняется представление о покое, пространстве, — и каждому поколению кажется, что никогда еще напор техники, эволюция науки не были столь велики.

Резкая урбанизация жизни вызывает порой наивное, но чаще всего понятное и закономерное противодействие: люди все чаще и активнее обращаются к природе, к ее

НА ТЕПЛОЙ ЗЕМЛЕ

последние годы чаще, чем когда-либо, стало мелькать слово «некогда». Нам все некогда: выбрать-ся в театр, навестить знакомых, съездить в лес, за город, некогда пройти пешком по улице — без спешки, суеты, не толкаясь и не обгоняя прохожих.

простому и мудрому миру. Этот процесс, конечно же, сложнее и шире, чем только непосредственная реакция горожанина на шум и нервные темпы современного города. Человек стремится не упустить за техническим прогрессом те существенные начала, без которых его духовная жизнь стала бы беднее.

«Родные, знакомые с детства слова уходят из обихода»,— сетует А. Яшин. Уходят, а что подлаешь: их все реже приходится употреблять. А Яшин прекрасно понимает, что процесс этот неизбежный, но все же ему грустно; грустно, кстати, и нам. Послушайте только, какой чудесной музыкой звучат эти уходящие из жизни слова:

Возмлкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха.
Поднебницей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой.

«Люблю все живое», «Покормите птиц», «Спасибо солнцу», «Не верю, что звери не говорят», «Добру откроется сердце» — уже одни только заголовки стихотворений красноречиво передают склонности и симпатии поэта. Природа определяет для Яшина и один из главных критериев красоты, которым он оценивает мир. Перепланировка Москвы: ломка старых домов, застройка жилых массивов, прокладка широких авто-трасс — предмет поэзии здесь найдет скорее урбанист, чем такой поклонник тишины, леса, уюта, как Яшин. А вот пожалуй-ста — Яшин пишет стихотворение «Улицы Москвы». Противоречия здесь нет никакого: переустройство, которое ведется в Москве, очень симпатично поэту, оно отвечает его идеалу жизни человека в мире:

Просторней стали улицы Москвы,
Все больше в них листья и синевы,
Все меньше узких улиц,
старых, грязных,
Ямских,
Кривоколенных,
Непролазных.

Камертон поэзии Яшина — жажда цельности и гармонии в человеке. Все неестественное, натянутое, фальшивое вызывает у него решительное неприятие. Характер ге-

роя, который любим А. Яшиным, можно с уверенностью назвать народным — в самом высоком и обязывающем значении этого слова. Запечатлеть такой характер ярко и правдиво можно, лишь по-настоящему постигнув цену народного горя и счастья, восприняв заботы, думы народа как свои собственные.

А Яшину такое восприятие присуще в полной мере. Народным можно назвать у поэта и склад ума, и особенность дарования, и направленность видения мира.

Едва под дождем и солнцем рачительным
Иголки выбьются из-под земли,
А мы уже говорим почтительно
О травке об этой:
— Хлеба пошли!

Слово «почтительно» не случайно обр-нено поэтом. Именно почтительно — с кровным, заинтересованным уважением относится Яшин к заботам и нуждам людей. Тысячи стихотворений увековечили ходовой образ: «комбайн — степной корабль». Почти каждый поэт — мастытый и начинающий — прошел через воспевание золотистой пшеницы, волнующейся под дуновением ветра. Очередной перепев на тему о том, как «шумит, шумит пшеница золотая и ей конца и края не видать», можно написать и человеку, который в глаза не видел ни одного колоса. Написать о тоненьких и робких ростках урожая, о зеленых «иголочках» с чужих слов нельзя. Это надо увидеть самому и — увидеть мало! — понять, всем существом почувствовать, что значат и что стоят в жизни эти зеленые травинки.

Интересы Яшина-поэта, как видно по немногим приведенным цитатам из новой книги, широки и разносторонни. Но их связывает воедино любовь к родной земле и к людям, живущим на ней, стремление сделать свою песню и свои стихи кровно необходимыми для современников. «Будь хорошим приемником, чутким, многодиапазонным, всеволновым, как двадцатый век»,— обращается Яшин к своей музе.

Новая книга убеждает, что этот свой наказ он выполняет.

Валерий ГЕЙДЕКО